

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
СТАВРОПОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СТАВРОПОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ
ЛАБОРАТОРИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (КЕМЕРОВО – СЕВАСТОПОЛЬ – СТАВРОПОЛЬ – АРМАВИР)

ФГАОУ ВО «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 13

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации
сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN)
с присвоением международного стандартного номера ISSN 2224-0810

Ставрополь 2015

УДК 801
ББК 881.0
Я 41

Редакционный совет альманаха:

Манаенко Г.Н. (СКФУ) – председатель;
Алимурадов О.А. (ПГЛУ) – зам. председателя;
Факторович А.Л. (КубГУ) – зам. председателя;
Гусаренко С.В. (СКФУ); **Красса С.И.** (СКФУ);
Манаенко С.А. (СКФУ); **Осташевский А.В.** (КубГУ);
Рябов В.Н. (КубГУ); **Соловьев Г.М.** (КубГУ);
Ходус В.П. (СКФУ); **Штайн К.Э.** (СКФУ)

Редакционная коллегия:

Алимурадов О.А., Красса С.И.,
Манаенко Г.Н. (отв. ред.), **Манаенко С.А., Факторович А.Л.,**
Халатян А.Б., Штайн К.Э.

Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского
Я 41 отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 13.
Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 411 с.

ISSN 2224-0810

В тринадцатом выпуске альманаха представлены статьи исследователей из разных вузов России, Украины, Белоруссии и Абхазии по актуальным проблемам когнитивной лингвистики и теоретическим вопросам, разрабатываемым проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» («ЛИД») СКФУ.

УДК 801
ББК 881.0

С содержанием выпусков альманаха можно ознакомиться на сайтах
<http://www.elibrary.ru> и <http://www.russcomm.ru>

ISSN 2224-0810

© Научный альманах Ставропольского
отделения РАЛК «Язык. Текст.Дискурс», 2015
© Коллектив авторов, 2015

УДК 821.133.1.09 (092)

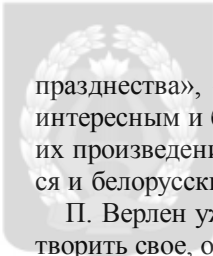
Е.В. Михайлова

П. ВЕРЛЕН И М.А. БОГДАНОВИЧ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

***Аннотация.** Статья посвящена диалогу, воплощенному в произведениях французского поэта П. Верлена (1844–1896) и белорусского поэта М.А. Богдановича (1891–1917). В стихотворениях данных поэтов реализуется много одинаковых тем: города, дождя, времен года (осени, весны), вечера, ночи, любви, домашнего очага, клавишных музыкальных инструментов как выразителей тонких душевных движений, музыки и поэзии и др. Разрабатывая перечисленные темы, М.А. Богданович воплощал свои художественные идеи, то соглашаясь с П. Верленом, то полемизируя с ним. Поскольку П. Верлен и М.А. Богданович – яркие представители национальных культур, этот диалог является диалогом французской и белорусской культур.*

***Ключевые слова:** П. Верлен, М.А. Богданович, стихотворение, поэзия, поэтический диалог, диалог культур.*

М.А. Богданович (1891–1917) – выдающийся белорусский поэт, прозаик, критик, публицист, переводчик. За свою недолгую жизнь он создал прекрасные произведения; издание его единственного прижизненного сборника «Венок» стало большим событием в белорусской литературе. М.А. Богданович писал произведения на белорусском и русском языках, он хорошо знал и любил мировую литературу, владел иностранными языками. Творчество П. Верлена (1844–1896), автора поэтических сборников «Сатурнические стихотворения», «Галантные

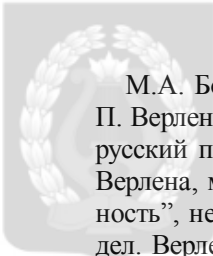

празднества», «Добрая песня», «Песни без слов» и др., было очень интересным и близким для него. Известный французский поэт в своих произведениях начал поэтический диалог, к которому подключился и белорусский поэт; на основе этого получился диалог культур.

П. Верлен уже в юности создал свой особенный мир: он «...начал творить свое, одному ему ведомое пространство, где одиночество сердца теряло горечь и становилось сладостно-пьянящим, – зыбкое, как туман, кутающий саваном глухие берега пруда, прозрачное и призрачное пространство, в котором долго потом, гонимая злыми ветрами, вздрагивающая от нежного кантабиле осенних виол, будет кружить и метаться его сорванная с места душа» [3: 17]. П. Верлен в своих произведениях «...умел подражать колоколам, уловил и закрепил запахи преобладающей флоры своей родины, с успехом передразнивал птиц и перебрал в своем творчестве все переливы тишины...» [8: 185]. Г.К. Косиков указывал: «...“душа” Верлена ощущает себя не как некое устойчивое “я”, выделенное из внешнего мира и обособленное от других людей, но, напротив, как нечто зыбкое, переливающееся множеством неуловимых оттенков...» [6: 19].

В поэзии П. Верлена реализуются сходства между явлениями природного мира и проявлениями внутреннего мира лирического героя поэтических произведений. И.Я. Науменко писал: «Русские символисты подхватили у французского поэта Шарля Бодлера, автора знаменитого сборника “Цветы зла”, теорию “соответствий” – скрытых, интуитивно постигаемых аналогий между явлениями природы и движениями души поэта. Самое широкое и самое глубокое художественное воплощение этой теории находим у Поля Верлена, которым увлекался Богданович и много стихотворений которого перевел на белорусский язык» [7: 26]. М.А. Богданович очень любил поэзию А.А. Фета и П. Верлена, потому что эти поэты умели улавливать мгновенные изменения настроений, переживаний, тонкие эмоциональные и экспрессивные нюансы, и сквозь призму этого воспринимать окружающий мир.

М.А. Богданович в своих произведениях олицетворяет реалии природного мира и проводит параллели между состоянием своей души и состоянием природы. Это – особая философия творчества, для которого очень важна музыка: «Символисты стремились почувствовать невыразимое, трансцендентное, что невозможно высказать словами и что из всех искусств способна выразить одна только музыка. Богданович также придает музыке исключительное значение. ... Спокойная, как бы созерцательная лира Богдановича при всей сдержанности очень музыкальная» [7: 27].

М.А. Богданович перевел на белорусский язык 22 стихотворения П. Верлена. Он глубоко проник в сущность этих произведений: «Белорусский поэт прекрасно ощущал переливы, переходы чувства лирики Верлена, музыкальность его поэтической строки, подтекст, “тихомирность”, нежность его поэзии. Этими качествами Богданович сам владел. Верлен был его товарищем по несчастью, по остроуму, болезненному ощущению жизни...» [7: 41]. Л. Козыра нашел много общего в творчестве рассматриваемых поэтов: «Сравнительный анализ их поэзии показывает, что ни в творчестве Верлена, ни в творчестве Богдановича мы, пожалуй, не находим произведений, насыщенных яркими, стремительными, бурными, динамичными событиями или действиями. Их поэзия – всегда неторопливое, исповедальное раздумье о жизни, человеке, природе, искусстве. ... Важно, что эмоциональный фон в творчестве обоих поэтов используется ... для того, чтобы звучать самостоятельно наравне с основной сюжетной линией и стать, таким образом, имманентной частью произведения» [5: 552]. А.К. Кабакович пишет о М.А. Богдановиче, что «...к стихотворениям П. Верлена он обращался с особенным желанием, потому что находил в них близкие к личной эмоциональную атмосферу и характер мироощущения» [4: 58].

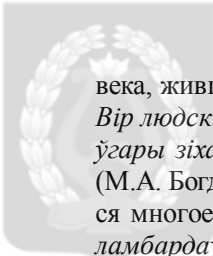
И.Я. Науменко считал, что даже переведенные М.А. Богдановичем стихи П. Верлена имеют сходство с его собственными сочинениями «...стремлением обнаружить поэзию в явлениях окружающего мира, иногда на первый взгляд незаметных, обычных» [7: 130]. Переводы М.А. Богдановича из П. Верлена «...можно назвать вольными. Белорусский поэт совсем не стремится к точности строки, если можно сказать так, текстуальному совпадению. Главное: он хочет передать музыку, настроение, звучание стиха и, конечно, его поэтическую тему» [7: 131]. В переводах белорусский поэт выражал не только содержательные и формальные особенности поэтических произведений П. Верлена, он соединял с ними и свое восприятие великого французского поэта, и элементы диалога с ним.

Для М.А. Богдановича был очень важен такой аспект творчества П. Верлена, как «...шлифовка, оттачивание, стремление к гармонии, к новым поэтическим формам...» [5: 554], поскольку выдающийся белорусский поэт, «...как никто другой в начале XX в., сам заботился об обогащении, развитии и совершенствовании формальных возможностей белорусской поэзии...» [5: 554].

Можно провести параллели между творчеством П. Верлена (в переводах его произведений на русский язык) и М.А. Богдановича в об-

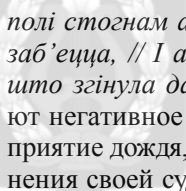
ласти следующих тем: 1) город; 2) дождь; 3) времена года (осень, весна); 4) звезды; 5) вечер, ночь; 6) любовь; 7) домашний очаг; 8) клавишные музыкальные инструменты как выразители тонких душевных движений; 9) музыка и поэзия и др.

В стихотворении П. Верлена «Парижский набросок» [2: 11] (далее цитаты приводятся из указанного издания) описывается мрачный урбанистический пейзаж: *«Луна проливала свет жестяной, // Белила углы, // Над готикой крыши, над их крутизной, // Дымы завивались, черней смолы. // Был пуст небосклон, и ветер стонал, // Как некий фагот, // Вторя ему, свой тянул мадригал // Иззябший и робкий бродяга-кот»* и др. (ощущение безысходности создается благодаря словосочетаниям *свет жестяной, крутизна крыши, иззябший бродяга-кот* и др.). Поэт видел и другой город, вызывающий в его душе позитивные ощущения, связанные с весенним обновлением и любовными чувствами: *«Кончена стужа – и зайчики света // Скачут по лужам до самых небес. // Как же отрада весенняя эта // Всякой печали нужна позарез! // Юности зорь открывает объятья // Даже больной и угрюмый Париж. // Тянет он к солнцу для рукопожатья // Алые трубы и выступы крыши. // Вот уже год, как весна в моем сердце! // Что к ней добавил вернувшийся май? // Скерцо природы вливается в скерцо // Чувств моих – рай умножая на рай!»* и др. (П. Верлен «Кончена стужа – и зайчики света...») (приятная лирическому герою семантика реализуется при помощи слов *зайчики, свет, отрада, юность, зори, солнце, рукопожатье, весна, май, скерцо* ('шутка' – буквальный перевод с итальянского языка) и др.). В стихотворении П. Верлена «Калейдоскоп» город изображен, как в призрачном «возможном» мире: *«Эта улица, город – как в призрачном сне, // Это будет, а может быть, все это было: // В смутный миг все так явственно вдруг проступило... // Это солнце в туманной всплыло пелене. // Это голос в чащобе и крик в океане. // Это будет – причину нелепо искать: // Пробуждение, рождение опять и опять. // Всё как было, и только отчетливей грани: // Эта улица, город – из давней мечты, // Где шарманчики мелют мелодии танцев, // Где пиликают скрипки в руках оборванцев...»* и др. Ощущение калейдоскопа в данном случае не только зрительное (*призрачный, сон, смутный, солнце, туманный, пелена* и др.), но и звуковое (*голос, крик, шарманчики, мелодии, танцы, пиликать, скрипки* и др.). Стихи М.А. Богдановича из цикла «Места» – 'Город' (бел.) [1: 95–103] (далее цитаты приводятся из указанного издания) посвящены городу Вильню (Вильнюсу) и его активной жизни, непривычной и сложной для чело-

века, жившего в начале XX в.: «*Вулкі Вільні зіяюць і гулка грымяць! // Вір людскі скрозь заліў паясы тратуараў, // Блішчаць вокны, ліхтарні ўгараы зіхацяць, // Коні мчацца, трамваі трывожна звяняць...*» и др. (М.А. Богданович «Вулкі Вільні зіяюць і гулка грымяць!»). Ему нравятся многое из того, что он видит в городе: «*А дальш – за радам кас, ламбардаў, банкаў – // Агні вакзала... навадка фурманкаў... // Віры людзей... сіпячыы паравоз... // Зялёны семафор... пакгауз... склады... // Заводаў коміны пад цьмой нябёс... // О, горада чароўныя прынады!*» и др. (М.А. Богданович «У Вільні»). Поэт подробно перечисляет объекты города начала XX в. (*вулкі* (*вулка* – ‘маленькая узкая улица’ [9: 512] (*бел.*)), *тратуары*, *вокны*, *ліхтарні* – ‘фонари’ (*бел.*)), *трамваі*; *касы*, *ламбарды*, *банкі*, *вакзал* и др.), благодаря чему получается реалистическая картина. П. Верлен и М.А. Богданович рассматривали город и с положительной, и с отрицательной сторон.

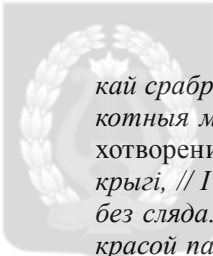
В стихотворении П. Верлена «Ночное зрелище» показывается город во время ночного дождя; перед читателем предстает ужасная картина: «*Ночь. Дождь. Вдали неясный очерк выбит: // В дождливом небе старый город зыбит // Разводы крыши и баиенных зубцов. // На виселице – тени мертвецов, // Без угомону пляшущих чакону... // ... // Кой-где терновый куст, и там и тут // На черном поле измороси мглистой – // Колючие отливы остролиста. // И шестивие: три узника по ней // Под пешей стражей в двести бердышей, // Смыкающей еще лишь неизбывней // Железо тик в железной сетке ливня*» (чувство беспросветной мглы и неясности, навеваемое ночным дождем, поддерживается описанием реалий с отрицательным семантическим содержанием (*виселица*, *мертвецы*, *три узника* и др.), либо с элементом (элементами) такой семантики (*терновый куст*, *черное поле измороси мглистой*, *колючие отливы остролиста* и др.)). Эпиграфом к стихотворению П. Верлена «И в сердце растрava...» взята строка А. Рембо *Над городом тихо накрапывает дождь*. Состояние природы в нем соответствует состоянию человека, и оно неопределенное: «*И в сердце растрava, // И дождик с утра. // Откуда бы, право, // Такая ханора? // О дождик желанный, // Твой шорох – предлог // Душе бесталанной // Всплакнуть под шумок. // Откуда ж кручина // И сердца вдовство? // Ханора без причины // И ни от чего. // Ханора ниоткуда, // Но та и ханора, // Когда не от худа // И не от добра*». В стихотворении «Разрытая магiла» М.А. Богданович описывает дождь, ветер и то, как ощущает такую погоду лирический герой: «*Дробны дождж сячэ, лiецца; // Вецер злосна ў хату рвецца, // Ў*

полі стогнам аддаецца, // Стукне ў дзверы і акно – // Сэрца беднае заб'еца, // І адразу ў ім працнеца, // І адразу скалыхнеца // Ёсё, што згінула даўно» и др. (слова злосна, рвацца, стогн и др. создают негативное настроение). Есть у белорусского поэта и другое восприятие дождя, побуждающее людей к активным действиям для изменения своей судьбы: «Дождж у полі і холад... Імгла... // Дзесь у вёсцы міргаюць агні. // Там, злякаўшысь, схавалась, лягла // Доля горкая ў чорным цяні. // ... // Толькі вецер асенні, начны // Ё полі сумна гудзіць і пяе // Аб радзімай старонцы глухой // Ды аб долі няшчаснай яе. // ... // Долю чорную ноч не схавае, // Калі выльеца песня жывая!» и др. (М.А. Богданович «Дождж у полі і холад... Імгла...») (судьбу и жизнь людей поэт описывает при помощи словосочетаний *доля горкая, чорны цень, доля няшчасная, доля чорная* и др.). В основном у обоих поэтов восприятие дождя отрицательное.

Стихотворение П. Верлена «Осенняя песня» печально; осень вызывает в душе лирического героя чувства, противоположные тем, что были весной; звуковая палитра произведения очень богата: «*Издалека // Льется тоска // Скрипки осенней – // И, не дыша, // Стынет душа // В оцепененье. // Час прозвенит – // И леденит // Отзвук угрозы, // А помяну // В сердце весну – // Катятся слезы. // И до утра // Злые ветра // В жалобном вое // Кружат меня, // Словно гоня // С палой листвою*» (музыкальные ощущения активизируют слова *скрипка, прозвенеть, отзвук, вой* и др.). Поэт видит и передает красоту различных времен года (конца зимы и начала весны): «*Над прошлогоднею травой // Гуляет ветер вихревой, // И снег на солнце и ветру, // Звезда, смерзается в кору. // Но крепнет дух лесов и льдов, // Поет простор на сто ладов // И в дымных селах день за днем // Все веселей горят огнем // Колокола и флюгера*» и др. (П. Верлен «Над прошлогоднею травой...») (чувство бодрости, положительное настроение реализуются благодаря следующим грамматическим центрам предложений: *гуляет ветер, снег смерзается, крепнет дух, поет простор* и др.). В весне П. Верлен видит обновление (выражение призыва весны дается на фоне описания кладбища): «*Хоть бы скорей пришла весна, // И с нею щебет, и цветенье, // И жаркая голубизна! // Приди, о чудо обновленья, // И расколдуй сады, леса // От зимнего оцепененья! // Пусть солнце полнит небеса, // Пусть над тоскою беспредельной // Погостов – жизни голоса // Звучат – подобно колыбельной*» (стихотворение «Sub urbe» – ‘В предместье’ (лат.)). В поэтическом мире М.А. Богдановича выражается красота зимы («*Ўюцца змей-*

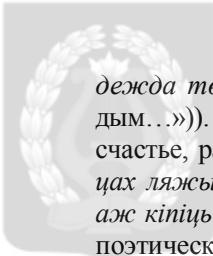

кай срабрыстай дарожкі, // Брызгі золата ў небе блішчаць, // І маркотныя месяца рожкі // Праз марозную мглу зіхацяць» и др. (стихотворение «Зімовая дарога») и др.), весны («Зазвіняць жалобна крыгі, // І бурлівая вада // Снег, размоклы ў час адлігі, // Змые з луга без сляда. // Дык разліўся жа раздольна // Ў чыстым полі і гаю // І красой паводкі вольнай // Душу выпрастай маю!» и др. (стихотворение «Перад паводкай») и др.) и др. М.А. Богданович в стихотворении «Прыйдзе вясна» пишет, что весна развеет горестные чувства людей: «Сонца прагляне, зазелане // Траўка ў лугу, // Гукне вясна і, як ветрам, развее, // Гора-нуду!» и др. П. Верлен и М.А. Богданович видят своеобразие различных времен года и воспринимают их позитивно.

И П. Верлен, и М.А. Богданович любят рассказывать о вечере, ночи. У П. Верлена есть стихотворение «Лунный свет», лирический герой которого грустен и счастлив одновременно: «Полна теней и черных домино // Твоя душа – уединенный сад, // Где звуки струн и смех, и все равно // Почти печален этот маскарад. // В минорном тоне здеишим голосам // Привычно петь о радости земной. // Ни счастья здесь не верят, ни слезам, // И голоса сливаются с луной» и др. Очень печален у П. Верлена вечерний пейзаж во время заката: «За утренней мглой // Сквозят пустыри // Печалью былою // Вечерней зари. // Печалью былою // До края полны – // Вечерней зарею // Рожденные сны» и др. (стихотворение «Закатъ»). Стихотворение П. Верлена «Сентиментальная прогулка» воплощено при помощи яркой цветовой (багряный, белый и др.) и звуковой палитры (лепет ветерка, пересвисты уток и др.): «Струил закат последний свой багрянец, // Еще белел кувшинок грустных глянец, // Качавшихся меж лезвий тростника, // Под колыбельный лепет ветерка... // Я шел, печаль свою сопровождая; // Над озером, средь ив плакучих тая, // Вставал туман, как призрак самого // Отчаянья, и жалобой его // Казались диких уток пересвисты, // Друг друга звавших над травой росистой...» и др. М.А. Богданович описывает вечер («Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог, // Улажылі спаць мяне вы на зямлі. // Не ўстае стаўном пыл светлы ўздоўж дарог, // Ў небе месяца праглянуў бледны рог, // Ў небе ціха зоркі расцвілі» и др. (стихотворение «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...») и создает цветовую (черный, золотой) и звуковую картину ночи (шелест груши, звон бубенцов и др.) («Добрай ночы, зара-зараніца! // Ўжо імгла над зямлёю лажыцца, // Чорнай рызай усё пакрывае, // Пылам зор небасхіл абсявае. // Цішыня агартае мне душу. // Вецярок прыдарожную грушу // Ледзьве чутна варуша-кальша, // Міла бомы смяюцца у цішы...») и др. (стихотворение «Добрай ночы, зара-

зараніца!»). Основной признак вечера и ночи у него – тишина («*Ціха па мяккай траве // Сінявокая ноч прахадзіла; // Ціха з заснуўшых палян // Плыў у гару і знікаў, // Быццам дым сіняваты з кадзіла, // Рэдка, правідны туман...*» и др. (М.А. Богданович «Ціха па мяккай траве...»), «*Вечар на захадзе ў попеле тушыць // Кучу чырвоных кавалкаў вугля; // Ціха ўсё; вецер лістка не зварушыць, // Не скальхнуцца ні траўкай паля...*» (М.А. Богданович «Вечар на захадзе ў попеле тушыць...») и др. – *ціха ноч прахадзіла, ціха плыў туман, ціха ўсё* и др.). В стихотворении «Асенняя ночай» поэт рассказывает о дождливом и ветреном вечере: «*Чарнецца сажая вечар. // Дождж б'ецца аб хвалі ракі; // Гуляе, гудзе над ёй вецер, // Заводзіць, што ў полі ваўкі*» и др. (героём стихотворения является водяной – мифическое существо, связанное с олицетворением явлений природы). В стихотворении «Вечар» («*Месяц круглы ўстаў на небе...*») с поздним временем суток сливается звучание народной песни: «*Голас полем пракаціўся, // У бары аддаўся: // “А дзе ж тая крынічанька, // Што голуб купаўся?” // І снуюцца сумна ў сэрцы, // Ўюцца адгалоскі // Роднай песні, прастай песні // Беларускай вёскі...*». Имеется у него и очень поэтичное описание ночи: «*Вось і ноч. Нада мной заліліся слязамі нябёсы, // Смагла цягне расу ўся сухая і пыльная глеба; // Раскрываюцца краскі начня, як выпадуць росы, // Раскрываецца сэрца маё пад слязінкамі неба*» и др. (М.А. Богданович «Вось і ноч. Нада мной заліліся слязамі нябёсы...»). Музыка к данному стихотворению написал белорусский композитор А.Е. Туренков. Следует отметить, что оба поэта выделяют колористические и звуковые признаки вечера; М.А. Богданович относится к вечеру и ночи более положительно, чем П. Верлен; у белорусского поэта в их описании меньше печали и более выражен национально-культурный элемент.

Уделяется внимание в поэзии рассматриваемых авторов и теме любви. П. Верлен реализует эту тему в стихотворении «Втихомолку»; любовь у него приносит и приятные чувства, и тоску: «*Где от густой бузины // Не рассветает и днем, // В самую глубь тишины // Нашу любовь окунем. // Сядем под старой сосной // И растворим до конца // В темной печали лесной // Наши слепые сердца. // ... // Ночь перелески залет, // Брызнут росой светляки – // И соловей запоет // Голосом нашей тоски*» и др. (соловей – особая птица в поэтическом мире П. Верлена, символизирующая интенсивное выражение эмоций и чувств: «*А на вершине среди настоящих ветвей // Плачет навзрыд соловей. // Путник, не так ли и ты, отраженный на дне, // Видишь свой лик в глубине, // А на ветвях безутешней, чем трель соловья, // Плачет на-*

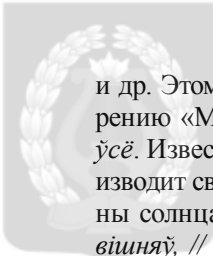
дежда твоя» (стихотворение «Тени деревьев, таясь за туманом седым...»)). В стихотворении «Першая любоў» М.А. Богданович выражает счастье, радость: *«Ўжо позна. Мрок вясенняй ночы // На вузкіх вуліцах ляжыць. // А мне – вясёла. Блішчаць вочы, // І кроў ад ичасця аж кіпіць. // Іду я радасны, харошы, // Знікае з сэрца пустата...»*. В поэтическом мире М.А. Богдановича, как и у П. Верлена, создан образ соловья, и эксплицируется он также в связи с темой любви (*«І в за-тишшы ночи вешней, // В темной чаце соловей // Зарыдае страстной песней // Дней любви и счастья дней»* (стихотворение «О, не вечно тучи мглою...»)). Эта тема доминирует и в стихотворении М.А. Богдановича «Раманс» (*«Зорка Венера ўзышла над зямлёю...»*); речь в нем идет о двух любящих друг друга, но не имеющих возможности быть вместе людях: *«Зорка Венера ўзышла над зямлёю. // Светлыя згадкі з сабой прывяла... // Помніш, калі я спаткаўся з табою, // Зорка Венера ўзышла. // З гэтай пары я пачаў углядацца // Ў неба начное і зорку шукаў. // Ціхім каханнем к табе разгарацца // З гэтай пары я пачаў. // ... // Буду ў далёкім краю я нудзіцца, // Ў сэрцы любоў затаіўшы сваю; // Кожную ночку на зорку дзівіцца // Буду ў далёкім краю. // Глянь іны раз на яе, – у расстанні // Там з ёй зліём мы пагляды свае... // Каб хоць на міг уваскрэсла каханне, // Глянь іны раз на яе...»* и др. (восприятие стихотворения очень светлое благодаря словосочетаниям *светлыя згадкі – светлыя воспоминания (бел.)*, *ціхае каханне – тихая любовь (бел.)* и др.). Это поэтическое произведение положено на музыку белорусским композитором-любителем С.А. Рак-Михайловским. В стихотворении П. Верлена «Час свидання», как и в «Рамансе» М.А. Богдановича, описываются и Венера, и ночь: *«Луна багряная плывет издалека, // Заводит марево причудливые пляски // Над сонной пустошью, кричит лягушка в ряске, // И пробегает дрожь по тени тростника, – // Свернулись листы холодными клубками, // Прямые тополя слились в одну черту // И цепью призраков уходят в темноту, // Искрятся заросли росой и светляками, // Все совы прынули и вновь уплыли прочь, // Глухими крыльями волнует темный воздух, // Вот и зенит уже в затеплившихся звездах. // Венера светлая встает, и это – Ночь»* (семантика ночи реализуется при помощи слов *луна, марево, сонный, тень, призраки, темнота* и др.). Оба поэта связывают темы любви и печали, используют образ соловья при экспликации темы любви; М.А. Богданович видит в этом чувстве больше радости, чем П. Верлен.

П. Верлен изображает уют домашнего очага и счастье от общения с любимым человеком: *«От лампы светлый круг, софа перед огнем,*

// И у виска ладонь, и счастье быть вдвоем, // Когда легко мечтать, любимый взор встречая, // И книгу ты закрыл, и вьется пар от чая, // И сладко чувствовать, что день умчался прочь...» и др. (стихотворение «От лампы светлый круг, софа перед огнем...») (положительное впечатление от восприятия данного текста создают слова *светлый, счастье, легко, любимый, сладко* и др.). У М.А. Богдановича есть похожее поэтическое произведение, только в нем лирический герой болен и одинок: *«Сцюжа, мрок... Я ізноў хвараваты. // Ё сэрцы – думак дакучных цяжар. // Заварыць бы гарчай гарбаты, // Разагрэць бы хутчэй самавар. // Запя ён і тонка, і ціха, // Зазіяе на спод аганьком, – // І развеецца цёмнае ліха // Над маім абагрэтым кутком»* (стихотворение «Сцюжа, мрок... Я ізноў хвараваты...») (отрицательное настроение реализуется благодаря словам *сцюжа, мрок, хвараваты, цяжар, цёмны, ліха* и др.). У рассматриваемого французского поэта восприятие домашнего очага более позитивное, чем у рассматриваемого белорусского поэта.

Оба анализируемых поэта описывают клавишные музыкальные инструменты. П. Верлен рассказывает о клавесине (*«Целуемые хрупкою рукой, // Плывут, мерцаю, звуки клавесина // В закатный сад, в сиреневый покой, // И слабый отзвук, милый и старинный, // Так оробело бродит по гостиной // Подобно взгляду, полному тоской. // Откуда эта странная отрада // Повееля, печали утолив? // Смешной напев, чего тебе здесь надо? // О чем грустил ты, глупенький мотив, – // И навсегда затих, недогрустив, // В луче окна над сумерками сада?»*) (стихотворение «Целуемые хрупкою рукой...») (в данном поэтическом произведении наблюдается невысокая интенсивность проявления чувств, реализации действий и признаков: *хрупкий, мерцаю, слабый, недогрустив* и др.). М.А. Богданович пишет о рояле (*«Жду... Мелодичные звуки доносятся, // Где-то тоскует рояль. // С грустными звуками вдаль сердце просится, // Тихо в нем плачет печаль»* и др. (стихотворение «Жду я... Порхают снежинки пушистые...»)) (приятна звуковая палитра стихотворения: *мелодичные, звуки, рояль* и др.). Оба поэта реализуют грустную музыку, исполняемую на инструментах, и соответствующие ей чувства в душе лирических героев.

В стихотворении «Искусство поэзии» П. Верлен высказывает свое поэтическое кредо: *«За музыкою только дело. // Итак, не размеряй пути. // Почти бесплотность предпочти // Всему, что слишком плоть и тело. // ...// Так музыки же вновь и вновь! // Пускай в твоём стихе с разгону // Блеснут в дали преображенной // Другое небо и любовь»*

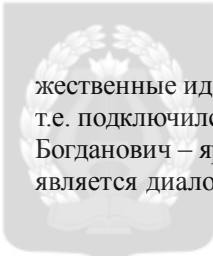

и др. Этому завету следует и М.А. Богданович: эпитафией к стихотворению «Маёвая песня» служит строка из П. Верлена *Музыкі перш за ўсё*. Известный белорусский поэт рассказывает о музыке, которую производит своими крыльями мотылек, звонящий крыльями в золотые струны солнца и создающий песню – гимн весне: *«Па-над белым пухам вішняў, // Быццам сіні аганёк, // Б'еца, ўеца шпаркі, лёгкі // Сінякрылы матылёк. // Навакол усё наветра // Ё струнах сонца залатых, – // Ён дрыжачымі крыламі // Звоніць ледзьве чутна ў іх. // І ліецца хваляй песня, – // Ціхі, ясны гімн вясне. // Ці не сэрца напявае, // Нававае яго мне?»* и др. (ощущение музыкальности эксплицируется при помощи слов *струны, звоніць, песня, гімн, напяваць* и др.). Стихотворение стало музыкальным произведением благодаря белорусским композиторам В.В. Каризне, В.Г. Мулявину и др.

Национально-культурный компонент в переводах сочинений П. Верлена на русский язык проявляется в следующих словах и словосочетаниях: *шарманцики, клавишин, готика крыш, больной и угрюмый Париж, разводы крыш, разводы башенных зубцов* и др., а также в эстетизации утонченных чувств, навеянных работой братьев Э. и Ж. де Гонкур «Искусство XVIII века», картинами художников А. Ватто и Ф. Буше, имеющими важное значение для творчества поэта в плане выбора тем и т.д.; в поэзии М.А. Богдановича – в словах *крынічанька, каханне* и др., в словосочетаниях *родная песня, простая песня* и др., в предложении *«Долю чорную ноч не схавае, // Калі выльеца песня жывая!»* (стихотворение «Дождж у полі і холад... Імгла...») (реализация способности песни изменить судьбу людей) и др., в связи с традициями народного творчества и др.

В переводах поэтических произведений П. Верлена воплощаются: усталость от жизни, внутреннее одиночество, поиск прибежища от жестокости жизни в мире души и сердца, сверхчувствительность, родство лирического героя с природой и всей окружающей действительностью и др.; стихи П. Верлена вызывают у читателя интенсивные эмоции и чувства и эффект их воздействия в чем-то близок к музыкальному. В поэзии М.А. Богдановича – реальное одиночество, эмоциональный фон, окрашенный лирико-романтическим настроением, выражение реалистических тенденций, социальных мотивов, восхищение красотой окружающего мира, нахождение душевной опоры в природе и в художественном творчестве, любовь к Родине, музыкальность и др.

В поэзии П. Верлена и М.А. Богдановича реализуется много одинаковых тем. Разрабатывая их, М.А. Богданович воплощал свои худо-

жественные идеи, то соглашаясь с П. Верленом, то полемизируя с ним, т.е. подключился к поэтическому диалогу. Поскольку П. Верлен и М.А. Богданович – яркие представители национальных культур, этот диалог является диалогом французской и белорусской культур.

Библиографический список

1. **Багдановіч М.А.** Поўны збор твораў: у 3 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. 752 с.

2. **Верлен П.** Стихи; пер. с фр. – Кишинев, Литературный Фонд «Axul Z», 1996. 192 с.

3. **Дорофеев О.** Созвездие в зеркальной перспективе // Верлен Поль, Рембо Артюр, Малларме Стефан Стихотворения, проза; пер. с фр. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. С. 5–50.

4. **Кабаковіч А.К.** Паэзія Максіма Багдановіча (Дыялектыка рацыянальнага і эмацыянальнага); рэд. Н.С. Перкін, І.Д. Ралько. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. 136 с.

5. **Казыра Л.** Перакладчыцкая спадчына Максіма Багдановіча // Багдановіч М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. С. 540–563.

6. **Косиков Г.К.** Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора; под ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 5–62.

7. **Навуменка І.Я.** Максім Багдановіч. – Мінск: Беларуская навука, 1997. 141 с.

8. **Пастернак Б.** Поль-Мари Верлен // Верлен П. Стихи; пер. с фр. – Кишинев, Литературный Фонд «Axul Z», 1996. С. 182–187.

9. **Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.;** рэд. кал.: А.Я. Баханькоў [і інш.]; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча. – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1. А–В. 608 с.

E. V. Mikhailova

P. VERLAIN AND M.A. BOGDANOVICH: POETICAL DIALOGUE AND DIALOGUE OF CULTURES

Abstract. *The paper is focused on the explicit poetical dialogue of French literary classic P. Verlaine (1844–1896) and Belarusian master M.A. Bogdanovich (1891–1917). Their poetry is devoted to the same themes: city,*

rain, seasons of the year (autumn, spring), evening, night, love, hearth, keyboard instruments conveying the fine movements of human soul, music and poetry, etc. Exploring the above-mentioned topics, M.A. Bogdanovich realized his artistic ideas either in accord with P. Verlain or in dispute with him. Since both P. Verlain and M.A. Bogdanovich are outstanding representatives of national cultures, their dialogue may be regarded as the dialogue of French and Belarusian cultures.

Key words: P. Verlain, M.A. Bogdanovich, verse, poetry, poetic dialogue, dialogue of cultures.

Репозиторий
Учреждение образования
"Белорусская государственная
академия музыки"